

РУНОПЕВЕЦ

Весной 1834 года Элиас Леннрот, собирая древние карело-финские руны для будущей «Калевалы», достиг в своих нелегких странствиях отдаленного селения Латаварви в Северной Карелии.

Три дня пел Архип свои руны внимательно записывавшему гостю. Всего Леннрот записал от него более четырех тысяч стихов. Руны Архипа поразили искушенного собирателя своей полнотой и завершенностью. Если к этому добавить, что многие основные сюжеты, прославившие затем «Калевалу», Леннрот впервые услышал именно от Архипа, не встретив их у других сказителей, можно понять пережитую им радость состоявшегося художественного открытия. Архип умер семь лет спустя после приезда Леннрота, но спетые им руны сохранились для потомства.

К сожалению, об этом знаменитом рунопевце, одареннейшем представителе целого сказительского рода, сохранилось очень мало сведений. Единственным источником являются краткие путевые заметки Леннрота, а также Матиаса Кастрена, финского филолога, посетившего Архипа пятью годами позже. Несколькими лет тому назад карельскому фольклористу Т. Вийзину путем сверки так называемых «исповедальных книг», где обнаружены многократные записи об Архипе и членах его семьи с указанием возраста, удалось установить точные даты жизни рунопевца. Он родился не в 1754 году, как предполагалось ранее, а в 1769 году. Со дня рождения Архипа Ивановича Перттунена исполнилось ровно двести лет.

И сам Леннрот и последующие исследователи считали, что встреча с Архипом и собранный от него песенный урожай помогли Леннроту окончательно утвердиться в мысли о возможности сводного эпоса. Это был поворотный пункт в создании «Калевалы» именно в том виде, в каком карело-финский эпос стал затем известен цивилизованному миру и стяжал себе славу одного из величайших народных эпосов.

Если взглянуть несколько шире на исторические пути и «Калевале» как литературному памятнику, то можно выделить две главные линии, которые постепенно сходились в течение долгих веков: изустная народно-песенная культура и новая, книжная цивилизация. Языческие руны находились прибрежье в лесных селениях, а христианская книжность возникла в городах. Однако даже в отдаленные исторические времена полной взаимной изоляции не было. Из глухих, казалось бы, совершенно оторванных от «большого мира» лесных углов шли невидимые токи, народный гений посылал импульсы, увлекаемые наиболее чуткими людьми иной

К двухсотлетию со дня рождения Архипа Перттунена

культурной среды. Не кто иной, как Микаэль Агрикола, основатель финской книжности и проводник Реформации, еще в середине шестнадцатого века первый упомянул в одной из своих книг имя Вийнямейнена, главного героя карело-финского эпоса, причем упомянул не только в качестве языческого божества, но и «кователя песен» — так обычно именуются в народе и сами рунопевцы. Что среди карельских и финских крестьян немало подлинных поэтов, что народный язык удивительно музыкален — эта мысль постепенно проникла в ученый мир и все чаще находила себе новые подтверждения. О карело-финской народной поэзии на рубеже XVIII—XIX веков впервые заговорили в Европе. В частности, на десятки языков был переведен тогда один из шедевров карельской лирики — песня «Если бы пришел мой милый», восхвалявшая знатоков поэзии поразительной глубиной и беззастенчивостью выраженного в ней лирического чувства.

Надо сказать, что в ту пору эти редкие жемчужины карело-финской народной поэзии получали известность и так: не ученые люди ездили к народу в далекие лесные деревни, а сами представители народа — крестьяне, странствующие карельские коровейники — случайно оказывались в городах и становились предметом внимания со стороны ученых, рассказывая им о знаменитых на своей родине рунопевцах и демонстрируя образцы их искусства. Эти рассказы и некоторые косвенные сведения заставляли ученых людей все более склоняться к мысли, что наиболее богатые россыли народной поэзии таятся в Северной Карелии, что там древние руны сохранились в лучшем виде.

Все это были, однако, еще только предположения и догадки, нуждавшиеся в воплощении. Главная встреча новой культуры с древней поэзией карел была еще впереди, и первым в Северную Карелию устремился Элиас Леннрот.

Встреча Леннрота и Архипа Перттунена была как бы символическим слиянием тех двух линий, о которых говорилось выше. Трехдневное общение Леннрота с выдающимся сказителем явилось

последним толчком, необходимым для того, чтобы древний эпос карел и финнов обрел новую жизнь. Леннрот мог убедиться, что в сознании самих сказителей эпос жил не в виде разрозненных рун, а слитно, в свизной художественной непрерывности. Леннрот укрепился в моральном и эстетическом праве соединить руны именно в ту композицию, которую мы имеем в «Калевале».

Леннрот увидел в Архипе Перттунене глубоко художественную натуру, поэта в своих рунах и поэта в душе, человека, который относился к своему искусству ревностно и благоговейно. Леннрот отмечал духовную широту Архипа, — он был свободен от многих местных предрассудков, его уважали как настоящего патриарха.

Рунопевческая традиция в Карелии продолжала жить еще много десятилетий. У Архипа были последователи в его собственной семье: его сын Михаил Перттунен стал известным рунопевцем, а в советское время традицию продолжала Татьяна Перттунен. Карелия и сейчас является излюбленным краем фольклористов.

Огромная роль «Калевалы» в истории карельской и финской культуры. Еще в прошлом веке она питала многих финских писателей сюжетами и мотивами, поэтическими образами и языковым богатством. Были периоды, когда Карелия, родина древних рун, становилась для финской художественной интеллигенции своего рода менкой, куда устраивались настоящие паломничества. Зино Лейно, Ян Сибелиус, Галлен-Каллела, имена которых составляют гордость финской культуры и творчество каждого из которых овеяно фольклорной стихией, считали своим нравственным долгом посетить эти края, чтобы физически прикоснуться к истокам народного искусства. «Калевала» — одно это слово объясняет, зачем мы туда ездим, — эта реплика скульптора Эмиля Вилстрема весьма красноречива.

Кровное родство с «Калевалой» тем более характеризует литературу и искусство Карелии. Карельские советские писатели, художники, музыканты живут и работают среди своего народа, постоянно ощущая связь с его великой поэтической культурой. И в их сердцах имя Архипа Перттунена, которое по счастливому стечению обстоятельств донесла до нас история, уполчаю о многих его предшественниках, отзывается не музейным эхом и не прозаической строкой в энциклопедии, а вдохновенным зовом предка — искуснейшего кователя дошедшей до нас песни.

Эйно КАРХУ

ПЕТРОЗАВОДСК

22 ОКТ 1969

ЛИТЕРАТУРА Т. 1